

Лю Мэнхань стояла к нему спиной, и он не мог разглядеть её выражения лица. Он лишь заметил, как она на мгновение замерла, а затем быстро выбежала из класса, опустив голову.

Вспомнив, как его поймали за подглядыванием, Ся Жуань отвёл взгляд.

Когда закончился последний урок, Ся Жуань наконец отложил ручку и поднял голову. Люди один за другим выходили из класса, Лу Цинцзюэ тоже ушёл. Ся Жуань наконец поднялся со стула и медленно просеменил к парте Лу Цинцзюэ.

На парте у парня было очень чисто, все вещи лежали аккуратно. Ся Жуань огляделся по сторонам, убеждаясь, что никто не войдёт внезапно. Его щёки залились крапным румянцем, и он осторожно опустился на место Лу Цинцзюэ.

Ся Жуань испуганно опустил голову и уловил исходивший от чужой парты слабый, почти выветрившийся запах мяты.

Как же приятно пахнет. — подумал про себя Ся Жуань.

Этот запах разительно отличался от того, что царил за его собственной партой.

Точно так же, как он сам и Лу Цинцзюэ.

Разница была как между небом и землёй.

Когда мятный аромат почти рассеялся, Ся Жуань встал, ровно поставил стул Лу Цинцзюэ и, опустив голову, быстро покинул класс.

Стоило Ся Жуаню скрыться из виду, как из-за угла вышел Лу Цинцзюэ, переводя взгляд на своё место.

Его зрачки были угольно-чёрными, словно глубокие омуты болот.

Долгое время он просто стоял неподвижно, после чего повернулся и спустился вниз.

Из-за заминки в классе Ся Жуань добрался до столовой, когда свободных мест уже не осталось. Время поджимало, опаздывать он не смел, поэтому, купив еду, доел её стоя в углу и поспешно вернулся в класс.

Опустив голову, он дошёл до своего места, едва успел сесть, как раздался громкий стук: бух.

Кто-то бросил что-то в мусорное ведро.

Следом прозвучал холодный голос Лу Цинцзюэ:

— Больше не смей класть мусор на мой стол.

Ся Жуань бросил косой взгляд в сторону: в урне лежала нетронутая чашка чая с молоком.

В месте, скрытом от чужих глаз, глаза Лю Мэнхань наполнились слезами.

Глава третья. Спасибо тебе

Лу Цинцзюэ, казалось, вовсе не видел ничего дурного в своём поступке: выбросив вещь, он уткнулся лицом в парту и заснул, словно вокруг никого не было.

Ся Жуань поджал губы, подумав про себя, что этот парень и впрямь безжалостен.

С наступлением выпускного года в школе оставались лишь те ученики, что демонстрировали выдающиеся успехи, ну и, конечно же, небольшая горстка тех, кто не желал сдаваться и хотел побороться до конца.

Ся Жуань как раз относился к числу тех, кто не желал сдаваться и хотел попытать счастья.

Он рос в смешанной семье: после смерти матери отец привёл в дом другую женщину, которая родила ему сына. В итоге он, старший сын, оказался в этом доме совершенно лишним.

Родной отец был лишён любви к нему, мачеха — бездушна, да в придачу к ним тот самый избалованный младший брат...

Прошли годы, и он смертельно устал от этой семьи. Он хотел вырваться наружу, поэтому даже подвергаясь издевательствам и насмешкам в школе, он никогда не думал о том, чтобы опустить руки.

Стоило минуте половине второго, как половина учеников в классе уже спала, уткнувшись в парты. В тишине было слышно лишь шуршание грифеля по бумаге — этот звук сливался с цикадами за окном, одновременно раздражая и наполняя сердце надеждой.

Оценки Ся Жуаня были не слишком высокими, в классе они тянули лишь на середнячок, к тому же результаты были нестабильными: иногда он преодолевал проходной балл на второй разряд вузов, а порой не дотягивал даже до минимальной черты бакалавриата.

Глупая птица начинает лететь раньше. В то время как остальные отдыхали и развлекались, Ся Жуань продолжал учиться. Он искренне надеялся правильно решить хотя бы на одну задачку больше, пусть даже на экзамене это принесёт ему на балл больше, чем остальным.

Он хотел сам выбирать свою судьбу.

Точные науки давались ему с трудом. Едва закончив с физикой и достав тетрадь по математике, он почувствовал, как кто-то легко постучал по его парте.

То, чему суждено случиться, неизбежно произойдет. Ся Жуань опустил голову, прикусил губу, медленно поднялся и поплёлся за парнем, который уже ждал у учительского подиума, направляясь к выходу.

Школьные издевательства.

Ся Жуань сжался в углу, растрёпанный, его школьная форма была разорвана, обнажая белую рубашку, стянутую с плеча, и несколько кровавых следов на коже.

Лу Цинцзюэ прищурился и некоторое время молча наблюдал, наконец разглядев происходящее.

Это были шрамы, вырисовывающие иероглиф «дешевка».

— Ты сам раздеваешься или нам помочь?

Цзян Юй обладал всеми внешними признаками трудного подростка: выкрашенные в жёлтый цвет волосы, в мочках ушей — две чёрные бриллиантовые серьги, школьная форма надета кое-как, нараспашку. Он вытащил из кармана сигарету, и кто-то тут же услужливо протянул ему зажигалку.

Зажав сигарету в зубах, Цзян Юй с издевательской усмешкой посмотрел на Ся Жуаня:

— Всё ещё не разделся? Мы же не в первый видим твоё нежное тельце, хватит ломать комедию. Если сейчас же не снимешь одежду, клянусь, я затушу о тебя сигарету.

Тело Ся Жуаня задрожало. Закусив губу, он дрожащими пальцами попытался расстегнуть пуговицы на рубашке, но от страха и суеты долго не мог справиться даже с первой.

Цзян Юя это явно не устраивало. Нетерпеливо цыкнув, он бросил:

— Идите помогите ему раздеться.

Стоило ему договорить, как двое парней расплылись в хищных усмешках. Засучив рукава, они направились к Ся Жуаню, чтобы сорвать с него одежду. Несмотря на то, что подобные издевательства случались неоднократно, Ся Жуань по-прежнему до смерти ненавидел и боялся любых чужих прикосновений. Он отчаянно забился, пытаясь вырваться, но стоило ему приподнять руки, как их тут же грубо вдавили обратно.

Цзян Юй провёл пальцем по его ладони.

— Какая нежная кожа.

Ся Жуань сидел с опущенной головой, до боли закусив губу, а его длинные пушистые ресницы беспомощно дрожали.

Лу Цинцзюэ бесстрастно наблюдал за происходящим — ровно до того момента, пока рука Цзян Юя не потянулась к изящной белой ключице Ся Жуаня.

— Что вы делаете?

Разве можно позволить кому-то другому прикасаться к питомцу, которого он приметил для себя? С детства Лу Цинцзюэ находился под влиянием Лу Цы: всё, что принадлежало ему, даже если оно ему самому не особо нравилось, не должно было стать объектом чужих посягательств. И уж тем более это касалось того, к чему он питал симпатию.

Появление Лу Цинцзюэ прервало то, что происходило в комнате. Цзян Юй на секунду растерялся, а Ся Жуань, услышав холодный голос, напрягся всем телом и, воспользовавшись замешательством обидчика, выдернул руку и судорожно запахнул рубашку.

— Разве я не велел вам запереть дверь? — Цзян Юй, придя в себя, не выказал особого раздражения и бросил взгляд на Линь Тяня.

Линь Тянь перепугался и тут же принялся оправдываться:

— Брат, я правда запер!

Цзян Юй слегка нахмурился, не обращая внимания на распростёртого на полу Ся Жуаня. Лу Цинцзюэ только сегодня перевёлся сюда, но он уже запомнил его:

— Новенький, о сегодняшнем лучше сделать вид, что ты ничего не видел, иначе...

Лу Цинцзюэ посмотрел на сжавшегося в комок Ся Жуаня, и тот показался ему ещё сильнее похожим на брошенного котёнка, которого он подобрал когда-то — такого же испуганного и донельзя грязного.

<http://bllate.org/book/26607/3186166>